

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТРУКТУР ПОВСЕДНЕВНОСТИ: РИТОРИКА СКОРБИ У НАРОДОВ КАВКАЗА*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-01-00147-ОГН "Этнография смерти: этнокультурные взаимовлияния в повседневной практике полиэтнического населения Северного Кавказа".

HISTORICAL ASPECTS OF EVERYDAY LIFE PATTERNS: RHETORIC OF SORROW IN THE NORTHERN CAUCASUS' CULTURE

*M. Tekueva
E. Nalchikova
M. Gugova*

Annotation

The purpose of the article is to study the elements of everyday events, which are knocked out of its ordinary, monotonous series – behavioral practices in a mourning ritual. The research emphasis is put on the ritual lamentations and emotional experience of bereavement. Analysis of elements of mourning ritual and wailing has made it possible to understand the attitude by Caucasian population towards the value of individual human life. The research discovers the mental particularities of ethnic consciousness, way of life, behavior, and it allows of seeing in the rites and rituals related to a man's death the nuances of historical epoch, social system, and cultural features of the society. All that can be called in turn the most important elements of the everyday life history.

Keywords: Northern Caucasus, rhetoric of sorrow, everyday life history, grief affectation, lamentation song, morning ritual.

Текуева Мадина Анатольевна

Д.и.н., Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик

Нальчикова Елена Аниуаровна

К.и.н., Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик

Гугова Марина Хабасовна

К.и.н., Институт гуманитарных исследований – филиал ФГБНУ Кабардино-Балкарского научного центра РАН, г. Нальчик

Аннотация

Цель статьи состоит в изучении элементов событий повседневности, выбивающихся из ее обыденного, монотонного ряда – поведенческих практик в траурном ритуале. Акцент в исследовании ставится на обрядовый плач и эмоциональный фон переживания смерти близкого. Анализ элементов траурного ритуала и скорбного оплакивания позволил понять отношение населения Кавказа к ценности отдельной человеческой жизни. Раскрыты ментальные особенности этнического сознания, образа жизни, поведения, что позволяет увидеть в обрядах и ритуалах, оформляющих смерть человека, нюансы исторической эпохи, социальной системы, культурные особенности общества, из которого человек вышел. Все это можно назвать важнейшими элементами истории повседневности.

Ключевые слова:

Северный Кавказ, риторика скорби, история повседневности, аффектация горя, песни-плачи, траурный ритуал.

Объективную историческую реальность далекого или недавнего прошлого, подоплеку того или иного варианта развития социально-политической или экономической ситуации позволяет увидеть только изучение соответствующей "человеческой среды в целом" [11, с.123]. В центре внимания истории повседневности – комплексное исследование образа жизни и его изменений у представителей разных социальных слоев, их поведения и эмоциональных реакций на жизненные события [36, с.9].

История повседневности складывается из событий обыденного ежедневного существования и особенного пространства исключительного, сакрального характера. Обряды перехода, обозначающие новые физические состояния и статусные роли: рождение, инициации, сва-

дебные обряды, смерть, – составляют важную область повседневности, ее регламентирующую.

Предметом нашего исследования является тема повседневных практик народов Северного Кавказа в событиях смерти, конкретно – изучение эмоциональных рефлексий, характерных для объединенного географически, но разнообразного по этническому составу населения Северного Кавказа. В данном исследовании принята попытка изучения аутентичной среды, являющейся фоном исторических событий. История повседневности изучает, в том числе, различные аспекты, категории, феномены, из которых состоит культурное пространство смерти, дает возможность прояснить историческую картину прошлого, придать известным историко-социально-политическим сюжетам краски, уточнить де-

тали, необходимые для объективного восприятия исторического процесса.

При том, что каждый человек лично встает перед лицом смерти лишь однажды, он многократно участвует в исполнении ритуально-обрядовых установок, предписанных культурой в отношении жизненного финала. Исследование принятой в культуре риторики скорби, характерных эмоциональных реакций, мировоззренческих аспектов осознания смерти позволяет дополнить реконструкцию социально-культурного устройства Северокавказского региона в конкретную историческую эпоху.

Траурное поведение, особенное выражение горя, эмоциональное переживание несчастья в специфической этнической среде и каждым человеком отдельно – предмет изучения этнографии и антропологии. Однако этнограф уделяет основное внимание обрядово-ритуальной сфере этнической культуры, антрополог изучает человека в культуре и обществе. А историк, изучающий повседневность – область человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах [36, с.9] задается вопросами о том, как повседневные практики влияют на формирование внутреннего мира человека конкретной исторической эпохи. Как, в свою очередь, ментальные основания в культуре народа создают фон для реальных исторических событий и явлений прошлого?

При исследовании феномена смерти, отношения к нему в кавказских культурах, ментального восприятия смерти в обыденной жизни следует определиться с кругом источников, сохранивших эмоциональный фон эпохи. Специфика их отбора применительно к истории Северного Кавказа состоит в невозможности обращения к прямым письменным свидетельствам, содержащим конкретные формы восприятия выражения чувств, эмоций, горя. Отсутствие письменности, а значит, корпуса личных документов (писем, дневников, воспоминаний) не позволяет услышать аутентичные высказывания о смерти, понять ее историко-психологические нюансы. Ближе всего к ним нас подводят произведения устного народного творчества – героические сказания и песни-плачи. Однако их структура и содержание строго определено рамками принятой традиции, и скорбь по умершему зачастую выражается устойчивыми вербальными штампами. С одной стороны, создается впечатление о формализованном характере подобных риторических высказываний. С другой стороны – такие клише возникают в результате многовекового творческого отбора, так как именно они больше всего находят эмоциональный отклик в этническом сознании. При этом следует учитывать вариативное разнообразие одних и тех же сюжетов плачевных песен, отложившихся в исторической памяти разных кавказских народов. Автор песни говорит об умершем, как о близком ему человеке, о хоро-

шо знакомом персонаже, об известном народу герое. Но каждый исполнитель адаптирует текст к своей аудитории, к контексту события ее собравшему, к месту исполнения. Осмысление риторики скорби, выявление индивидуальных нарративов, проступающих сквозь традиционные формы ее выражения, возможно путем сопоставления различных интерпретаций и семантического анализа фольклорных источников.

Внешние выражения скорби: эмоциональное, нормативно-поведенческое, материальное (траурная атрибутика, поминальная пища и одежда), – получили освещение в трудах зарубежных авторов XIX в. Их тексты, содержащие скрупулезное описание экзотических для иностранных наблюдателей форм проявления горя, траура и ритуала в событиях смерти, являются важнейшим источником для воспроизведения историками картины повседневной жизни [7; 9; 22; 27; 31]. Их свидетельства ценны фиксацией нюансов поведения и общего эмоционального фона трагедии жизненного финала. Все это позволяет исследователю определить степень взаимодействия оплакиваемого персонажа с его социальной средой.

Таким образом, интерпретация и анализ разноплановых источников, с помощью методов микроистории, истории повседневности, гендерной истории (Ф. Арьес, М. Блок, Н.Л. Пушкарева, Ю.Л. Бессмертный), этнометодологии (А. Шюц, Г. Гарфинкель) позволяют приблизиться к решению намеченных целей исследования.

Тема скорбного оплакивания, траурного поведения в истории повседневности народов Северного Кавказа никогда специально не выделялась в отечественной историографии. Эти сюжеты включались в изучение проблем ритуально-обрядовой практики, являясь лишь красочным дополнением популярных описаний, анализа, интерпретаций этнографических явлений. Подобная тематика особенно волновала дореволюционных этнографов. На ритуалах оплакивания сконцентрирован исследовательский интерес этнографов-осетин С. Жускаева [17] и К. Хетагурова [40]. С. Хан-Гирей [38;39] и А.-Г. Кешев [21] зафиксировали бытовавшие в указанное время похоронные ритуалы, проявления скорби, способы выражения горя у адыгов. Первый ингушский этнограф Чах Ахриев посвятил отдельную работу похоронно-поминальной обрядности [4]. Г.Ф. Чурсин оставил подробное описание похорон, осуществил сравнительный анализ поминальной обрядности и ритуалов оплакивания у различных кавказских народов [43]. Вс. Миллер попытался проследить истоки некоторых культурно-детерминированных форм проявления горя [30]. Д.Я. Лавровым описаны особенности поведения на похоронах и поминках всех категорий ближайших родственников покойного [26]. Проблемы погребально-обрядовой культуры у чеченцев поднимал Ф. Грабовский [13].

Среди работ европейских авторов книга Карла Коха была в свое время лучшим обобщающим трудом, в котором дана объективная этнографическая зарисовка быта народов Кавказа [25]. Выразительный характер тексту К. Коха придает описание аффектированных проявлений скорби, причитаний, плача, которые свойственны всему циклу обрядовых действий кавказского погребального ритуала.

В советский период – время критического изучения наиболее выразительных ритуалов, в том числе и погребальных, – отголоски древних представлений в ритуальной сфере у лезгин выявил и описал Г.А. Гаджиев [12]. И.М. Мизиев и М.Ч. Джуртубаев косвенно затрагивают вопросы ментального отношения карачаевцев и балкарцев к проблемам, связанным с уходом из жизни [16]. Б.А. Калоев дал подробное описание погребальных и поминальных обрядов осетин [19; 20].

Постсоветский период истории Северного Кавказа отмечен ростом этнической идентичности и появлением новых концепций освещения духовных традиций различных этнических сообществ. Это относится к изданным в этот период работам А.Т. Шортанова [44; 15; 28; 29]. Особое значение имеют работы Б.Х. Бгажнокова, предметом исследования которых стали этические установки адыгов по отношению к смыслу бытия в целом и месту в сознании человека концепта "смерть" [5; 6]. В научных трудах Л.А. Чибирова нашли отражение вопросы, связанные с культом предков, погребальными и поминальными обрядами осетин [41; 42]. В традициях советской этнографии написаны статьи А.Б. Кокоевой, содержащие обширный фактологический материал [23; 24]. Б.М. Алимova отдельное исследование посвятила этнокультурным взаимодействиям, в том числе в погребально-поминальной обрядности, кумыков и дагестанских азербайджанцев в XIX–XX вв. [2]. Недавняя работа Е.Б. Бесоловой посвящена анализу уникального культурного феномена – обрядового плача, рассмотренного через призму лингвистики, этнографии, фольклористики [8].

Впервые концепт "смерть", как предмет этнологического изучения Кавказа, был рассмотрен в исследованиях Е.А. Нальчиковой [32; 33]. Изучение адыгского этнографического материала подвело к необходимости расширения географических границ анализа: в соавторстве была опубликована серия статей, ставших отправной точкой для исследования риторики скорби, эмоционального сопровождения похоронно-поминальных обрядов, насыщенного оформления жизненного финала у народов Северного Кавказа [34; 14 и др.]. Новизна настоящего исследования состоит в обращении к ранее малоизученным сюжетам этнических особенностей эмоционального восприятия смерти близких у народов Северного Кавказа.

Северный Кавказ вошел в состав Российской империи в середине XIX века. На протяжении предыдущих двух с половиной столетий история российско-кавказских отношений состояла из длительных периодов военно-политического содружества, сменившихся в конце XVIII века национальным сопротивлением имперской колонизации. Но, независимо от характера политических событий, отношения кавказских народов с русским населением казачьих станиц характеризовались постоянным культурным взаимодействием, ярко проявлявшимся в повседневной жизни края. Так, казаки, как военизированное сословие, признали удобство черкесского мужского костюма для кавалерийской службы и "переоделись" в него в короткие исторические сроки. В этот же период времени у коренных жителей Центрального Предкавказья набирает популярность русская печка, которая наряду с открытым очагом становится дополнительным источником тепла и местом приготовления пищи. В адыгейском филиале Института искусств народов Востока хранится плетеная циновка (арджен) конца XIX в., в декоре которой присутствует узор с изображением самовара. Самовары вошли в горский быт вместе с черным сладким чаем из русской культуры повсеместно и настолько стремительно, что на памяти всего одного поколения стали восприниматься как традиционные этнические атрибуты. Такова и история гармони, ставшей любимым народным инструментом абазин, балкарцев, кабардинцев, карачаевцев, осетин. У осетин она называлась уже "каскон фандыр" – кабардинская гармошка. В это же время под ту же гармошку казаки танцевали свои казачьи переплясы на основе лезгинки.

Таким образом, к концу XIX века проявляются яркие приметы взаимовлияния в материальной и художественной культуре горцев, определяющих трансформационные процессы в структурах повседневности населения Северного Кавказа.

С включением Северного Кавказа в пространство Российской империи, происходит адаптация горских народов к новым историческим условиям. Повседневное существование подчиняется новым общественно-политическим и социально-экономическим реалиям, на смену устному праву горцев приходит российский закон. Жизнь горцев в большей или меньшей степени соответствует новому для них статусу российского подданного. Но в их повседневности остается незыблемая территория, этнически маркированная, наиболее устойчивая к внешним влияниям – это пространство смерти и связанных с ней мировоззренческих представлений, эмоциональных реакций, поведенческих практик.

В ментальном восприятии народов Кавказа смерть рассматривалась как торжественный итог жизненного пути. Социальная зрелость человека определялась его готовностью принятия смерти. Перед лицом смерти че-

ловец должен был быть уверен в том, что его проводит не только семья, род и односельчане, но уважение к его деяниям, его личности соберет к нему дальних и близких родственников и знакомых с разных областей страны. Следует учитывать, что в XIX в. на Северном Кавказе скорость перемещения между поселениями зависела от степени пересеченности местности и определялась скоростью движения арбы, запряженной волами, повозки с лошадьми, а в лучшем случае – верховой ездой на осле или лошади. Расстояния между селами по сравнению с современным их восприятием оказывались бесконечно более далекими, и приезд на похороны издалека приобретал особую значимость. "Лишь только умирает в каком-нибудь селении мужчина, родные посылают гонца ко всем своим родственникам и знакомым оповестить о семейном несчастье. Обыкновенно на похороны собираются все оповещенные, бросая для этого, нередко, свои дела; уклониться от посещения умершего родственника, без крайней невозможности, считается делом самым оскорбительным для памяти умершего и его общих родных" [Лавров, 1989: 55].

Бытописатели XIX в. отмечают особо торжественный и драматичный характер прощания с умершим. Но пристальный взгляд на разные события смерти приводит к выводу о дифференцированном отношении к каждому отдельному случаю в зависимости от статуса личности (гендерного, возрастного, сословного), истории его жизни и обстоятельств смерти.

Наибольшего эмоционального накала оплакивание достигало в четко сегрегированном женском пространстве похорон. Прощание с умершим было ожидаемо горестным, причем настолько интенсивным, что в восприятии сторонних наблюдателей традиция женского оплакивания носила гипертрофированные формы. Это подчеркнуто отмечалось иностранцами, непривычными к формам публичного проявления чувств, не соответствующих европейским культурно-нормативным правилам. Эти правила сформировались еще во времена средневековья и адаптировали сознание человека к частоте смертей от множества болезней и войн. Ф. Арьес замечал, что известия о смерти мужа или жены воспринимались внешне, на людях "весьма холодно, с бесстрастностью, граничившей с сухостью" [3, с. 271]. О той же показной "черствости" европейцев писал и Марк Блок [11, с. 190].

Поэтому объяснимо особое – как реакция на необычное – авторское внимание английского журналиста XIX в. Дж. Лонгворта к оплакиванию покойника. Он наблюдал, как адыгские женщины причитали на кладбище и их плач "сводился единственно к вою "Вай! Вай! Вай!", но был далеко не монотонным, по временам он опускался до низкого, придушенного вопля, повторяясь как жалобное блеяние множества овец, а затем превращался во взрыв страстной и несдерживаемой жалобы" [27, с.

568]. Ш. Бесс, присутствовавший на похоронах в Черкессии в 1829 г., тоже был впечатлен "трогательными выражениями горя" женщинами, оплакивавшими утрату члена семьи [9, с. 344].

Аналогичным было выражение скорби у осетин: "В доме поднимается страшный стон от плача и рыданий; в женской половине, где помещается семейство умершего, выражение горя достигает самых крайних степеней: жена покойника и его ближайшие родственницы рвут на себе волосы, царапают лицо, грудь до крови и оглашают воздух истерическими рыданиями, когда покойник лежит в доме" [26, с. 56].

Воображение европейских авторов поражал вид множества рыдающих женщин, которые в знак скорби "плачут, ударяясь головой о стену дома" [1, с. 120; 25, с. 585]. В Карачае, Балкарии, Осетии, Ингушетии, Дагестане женщины плачут в голос, "испускают душераздирающие вопли, расцарапывают себе груди и вырывают волосы" [10, с. 428]. "Ближайшие родственницы с растрепанными волосами и спущенною до пояса рубашкой колотят себя пуще других и с плачем импровизируют песню, восхваляющую достоинства усопшего" [35, с. 297]. "В доме поднимается страшный стон от плача и рыданий; в женской половине выражение горя достигает самых крайних степеней: жена покойника и его ближайшие родственницы рвут на себе волосы, царапают лицо, грудь до крови и оглашают воздух истерическими рыданиями" [26, с. 60].

На женщин возлагалась серьезная психологическая нагрузка. Они собирались в доме, тогда как мужчины оставались снаружи, во дворе. Вплоть до похорон именно они находились в непосредственной близости с покойником, испытывая дополнительные эмоциональные реакции, вновь и вновь переживая трагедию. Дом, где случилась смерть, становится социально значимым местом сосредоточения соседских, родственных, дружеских, сословных взаимосвязей и обязательств. "Подруги и соседки матери и жены воина, покончившего земные счеты, присоединяют свои рыдания к плачу несчастной семьи. Целью этих посещений не является принести утешение, но поплакать вместе, чтобы выразить уважение покойному" [9, с. 344].

Слезы скорби у многочисленных участников похорон могут выражать не столько личное переживание, сколько являются формой соболезнования семье или уважения общества к покойному. На "чужие" слезы влияет в большей мере не то, насколько покойного любили, а то, какой смертью он умер.

Изучение современного поведения в событиях смерти у народов Кавказа дает нам образцы сравнительно сдержанного горя и исследователю видна определенная

дифференциация этнических форм его проявления. Но ретроспективный взгляд на историю кавказских горцев в XIX в. позволяет проследить общекавказскую культурную константу в выражении скорби и траура. Особенно это заметно в отношении мужского траурного поведения, более сдержанного по сравнению с женской аффектацией, но тоже эмоционально яркого. Источники балкаро-карачаевского, осетинского, адыгского, ингушского происхождения подтверждают общие традиции мужского оплакивания. Так, например, по свидетельству очевидцев, адыгские мужчины, стараются сдерживаться, "появляются с покрасневшими глазами, но прикрывают их рукой, а другой рукой наносят сильные удары себе в грудь. Они бросаются на колени на циновку рядом с телом покойного и замирают в этом положении, сдерживая рыдания..." [9, с. 344]. В песне "Тушат" после гибели героя Хатык Болата "на полу, посередине, сидят и плачут его друзья" [18, с. 394].

Детальное описание похорон и мужского траурного поведения во второй половине XIX в. содержится у Коста Хетагурова: "Мужчины собираются на дворе и также имеют свой установленный порядок для выражения скорби. Они попарно приближаются к хадзар'у с изготовленными для этого обряда плетями и, переступив через порог, бьют себя этими плетями через голову по голой шее. Выходя, они передают плети другой паре и т. д. Малоознакомые с домом покойного выражают свое соболезнование более просто – с опущенной головой и руками они тихо вступают во двор покойника и, простояв с минуту неподвижно, делают левой рукой печальное приветствие" [40, с. 315].

В долгих поездках иностранные путешественники не раз сталкивались с ситуацией гибели своих кавказских знакомых, и особенности общественной реакции на смерть вызывали их пристальный интерес. Так, почти в каждом из тридцати пяти писем с Кавказа Джеймса Белла содержатся материалы, характеризующие элементы похоронно-поминальной обрядности и специфических переживаний близких. "На лужайке перед дверью собираются мужчины. Один из них приближается к двери, издавая громкий жалобный крик, которому вторят женщины внутри; они встают и стоят, пока он тихо входит, закрывая глаза руками и становится на колени перед подушкой, прикладываясь к ней лбом... Остальные следуют один за другим, пока все не исполнит этой церемонии. Но старые люди обычно, вместо того чтобы издавать жалобный крик, произносят несколько фраз утешения или призыва к бодрости и смирению" [7, с. 487].

В поездке по Карачаю, немецкий востоковед Г.Ю. Клапрот присутствовал на похоронах и видел, как мужчины, сопровождающие покойника, "бьют себя кнутом по голове и колют себя ножами в мочки ушей. При возвращении с кладбища они пьют пиво, чтобы заглушить свое

горе" [22, с. 252]. Позже подобное свидетельство оставил и офицер И.Ф. Бларамберг, который фиксирует аналогичное поведение и у черкесов: "мужчины считают постыдным плакать, особенно проливать слезы по своим женам, но иногда родственники покойного бьют себя кнутом по голове, чтобы показать свою скорбь" [10, с. 389].

То же самое пишет Ф.Д. де Монпере о кабардинцах, которые "чтобы оставить следы, напоминающие о пережитой ими утрате, наносят себе удары хлыстом по лицу, проливать кровь для демонстрации душевной боли – обычай, широко распространенный у народностей Кавказа" [31, с. 451].

Во всех этих источниках отмечается одна особенность мужского оплакивания близких: проливать слезы – это ожидаемая реакция и удел женщин, мужские же слезы скупы, но, нанося себе небольшие ранения, каплей крови мужчины демонстрируют степень своего переживания собравшимся на похороны. Несмотря на суровую сдержанность кавказского мужчины во всех областях жизни, традиция легитимирует выражение им страдания от утраты отца, брата, друга.

Публичный характер траурного ритуала оплакивания у народов Кавказа позволяет различать степень аффектации выражения скорби. Характер смерти являлся основным фактором, увеличивающим срок траура и усиливающим демонстративное проявление горя. Особо почиталась смерть в бою, сопровождавшаяся не только рыданиями и горестной жестикуляцией. Наибольшее воздействие на присутствующих оказывали мужские плачевные песни, сочиненные тут же и описывавшие жизненный путь героя и обстоятельства его гибели. Лучшие жанровые образцы закрепились в устной традиции и составили золотой фонд народной поэзии и ценных исторических источников.

Насколько репрезентативным источником для изучения истории повседневности можно считать посмертную песню о герое? Какие именно исторические свидетельства она предоставляет? Эти вопросы возникают в связи с тем, что по принятым канонам жанра герой песни характеризуется в стереотипных эпитетах, переживания формулируются в клишированных формах, оплакиваемый персонаж идеализируется, превосходя себя самого в реальности: "Среди всадников, устраивающих набеги, подобного ему нынче не находится / Огромного зубра-вожака наверху копыта поражающий..." [1, с. 115]; "Тот, кто зубами дробит своими сливовый сук, кому пули, что бусины четок, у кого усы, что шелк" [1, с. 161] и т.д. Все это вместе может вызвать сомнение в подлинности содержания песни. Однако именно в общепринятых формулировках содержится исторический ментальный опыт переживаний смерти, отбрав-

ший лучшие вербальные образцы, которые общественным мнением признаются наиболее удачными, проникновенными, эффектными. Песня–плач как исторический источник дает, таким образом, возможность понять нравственные ориентиры эпохи, определить эталоны мужского образа, эмоциональный фон вокруг события смерти, социально–политическую ситуацию в стране и историю подвига персонажа.

Женское скорбное пение отличается от мужского меньшим социально–политическим пафосом и большим чувственным накалом, образностью языка, богатством эмоциональных оттенков, интимностью деталей. Речитатив, импровизированно исполняемый одной из женщин, подхватывался второй, третьей, и поддерживаемый хором рыдающих женщин, принимал форму коллективного оплакивания, которое "оглашает" смерть, достойно ее оформляет и вызывает к сопереживанию.

Гендерный характер отличий в песнях–плачах состоит не только в вышеперечисленных особенностях, но и в том, что женщины воспевали жизненный финал любого человека независимо от его сословного статуса, пола, возраста и "героизма".

В настоящей статье прослежены выработанные обществом каноны скорби о близких, характерные для народов Кавказа в XIX веке. Они позволяют раскрыть картину представлений жителей Кавказа, как единого культурного пространства, о смерти и связанной с ней сути бытия. Стресс от смерти близкого человека провоцирует выход эмоций, вербализованных в откровенной форме, невозможной в любых иных обстоятельствах аскетически сдержанной культуры Кавказа. Культурные нормы, приличия и стереотипы поведения, принятые в других жизненных ситуациях как бы "забываются", выпуская сокровенные чувства и сдерживаемые переживания. Но в эпоху многолетней борьбы за независимость, сопутствующие войне болезни и лишения, человек в XIX веке встречается со смертью близких так часто, что у него вырабатываются адаптационные механизмы, облегчаю–

щие горе: устоявшийся порядок действий и клишированные вербальные формулировки выражения скорби.

В тоже время источники дают возможность разглядеть за ними разнообразную палитру чувств, выплескиваемых в трагической ситуации и отражающих как специфичность большого этнического коллектива, так и индивидуальность малой семейно–родственной группы.

Итогами исследования, на которых стоит акцентировать внимание, стали: первое – при языковой разнородности Кавказа, особенностях хозяйственно–культурного уклада населения гор и степей, конфессиональных различиях, социально–структурных противоречиях Северокавказский край оказался неожиданно единым в формах проявления эмоциональных переживаний: оплакивании, траурных ритуалах, канонах жанра народных плачевных песен.

Второе – взгляд на материальную и художественную культуру народов Кавказа середины – второй половины XIX века дает примеры многочисленных заимствований между русским и местным населением. Только смерть и связанные с ней представления, и ритуалы остаются суверенной территорией, недоступной для внешних влияний.

Третье – изучение источников фольклорного и литературного характера открывает дополнительные возможности для реконструкции исторического фона, на котором происходили яркие социально–политические, экономические события на Кавказе в XIX веке.

Анализ элементов траурного ритуала и скорбного оплакивания позволяет понять отношение населения Кавказа к отдельной человеческой жизни. В условиях экстремального существования, частых войн, постоянной готовности к потере близких и собственной смерти скорбь о близких иногда надрывно утрируется, трагически поэтизируется и всегда торжественно драматизируется.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адыгские песни времен Кавказской войны / Под ред. Кажарова В.Х. Нальчик: Печатный двор, 2014. 656 с.
2. Алимова Б.М. Этнокультурные взаимодействия в материальной культуре кумыков и дагестанских азербайджанцев (XIX–XX вв.). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. 270с.
3. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс, 1992. 528с.
4. Ахриев Ч. Похороны и поминки у горцев // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. II. Тифлис, 1870. С. 28–32.
5. Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983. 229с.
6. Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. Нальчик: Эль–Фа, 1999. 96с.
7. Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг. // АБКИЕА. 1974. С. 458–530.
8. Бесолова Е.Б. Общее и особенное в структуре осетинского обрядового плача // Современные проблемы науки и образования. 2012. №3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=6539> (дата обращения: 22.10.2017).
9. Бесс Ж.–Ш. Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Малую Азию и в Константинополь в 1829 и 1830гг.// АБКИЕА. Нальчик, 1974. С.330–352.

10. Бларамберг И.Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С.353–434.
11. Блок М. Феодальное общество. Том I. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 504 с.
12. Гаджиев Г.А. Пережитки древних представлений в похоронно-погребальных обрядах лезгин // Семейный быт народов Дагестана. Махачкала, 1980. С. 29–46.
13. Грабовский Ф. Ингуши их жизнь и обычаи // Сборник сведений о Кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. IX. С. 169–170.
14. Гугова М.Х., Нальчикова Е.А., Текуева М.А. Погребение и его место в адыгской традиционной культуре // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. №6 (июнь) 2017г. С.9–13.
15. Джуртубаев М. Древние религиозные верования балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 1991. 256с.
16. Джуртубаев М.Ч., Мизиев И.М. История и духовная культура карачаево-балкарского народа // Минги-Тау. 1994. № 1. С. 3–9.
17. Жускаев С. Похороны у осетин-олладжирцев / Закавказский вестник. 1855. №9// ППКОО. 1981. Кн.1. С.133–135.
18. Кабардинский фольклор / Общ.ред. Г. И. Бройдо. М.– Л.: Academia, 1936. 652 с.
19. Калоев Б.А. Осетины (историко-этнографическое исследование). М.: Наука. 1967. 243 с.
20. Калоев Б.А. Этногенетическая направленность похоронных обычаев и обрядов осетин в XVIII – начале XX века // Осетинские историко-этнографические этюды. М.: Наука, 1999. С. 181–217.
21. Кешев А.–Г. Записки черкеса. Нальчик: Эльбрус, 1988. 272с.
22. Клапрот Г.–Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // АБКИЕА. 1974. С.236–280.
23. Кокоева А.Б. Смерть и похороны у осетин // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института. Цхинвал, 1998. Вып. 35. С.136–47.
24. Кокоева А.Б. Оплакивание. Виды плача у осетин // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института. Цхинвал, 2005. Вып. 37. С.101–109.
25. Кох К. Путешествие по России и в кавказские земли // АБКИЕА. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 585–628.
26. Лавров Д.Я. Заметки об Осетии и осетинах // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / сост. Л. А. Чибиров. Цхинвали: Ирыстон, 1989. Кн. 4. С. 37–99.
27. Лонгворт Дж. А. Год среди черкесов // АБКИЕА, 1974. С. 531–584.
28. Мафедзев С.Х. Межпоколенная трансмиссия традиционной культуры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1991. 256с.
29. Мафедзев С.Х. Адыги. Обычаи, традиции. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 360с.
30. Миллер В. Черты старины в сказаниях и быте осетин // Миллер В.Ф. В горах Осетии. Владикавказ: Алания, 1998. С.422–436.
31. Монпере Ф.Д. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазцам, в Колхиду, Грузию, Армению и в Крым // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. С.435–457.
32. Нальчикова Е.А. Героическая смерть как обыденность мужской повседневности в традиционном адыгском обществе // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII–XXI вв.). СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2013. С. 199–204.
33. Нальчикова Е.А. Культурное пространство смерти: гендерный аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 11–1 (37). С. 128–130.
34. Нальчикова Е.А., Текуева М.А. Традиционный институт Телык: прошлое и настоящее // Эпическое наследие и духовные практики в прошлом и настоящем: Сб. статей / отв. ред. В.И. Харитонов. М.: ИЭА РАН, 2013. С.187–199.
35. Пржецлавский П. Нравы и обычаи в Дагестане // Военный сборник. 1860. № 4. С. 261–324.
36. Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2004. №5. С.3–19.
37. Текуева М.А. Женщины в Кавказской войне: скорбь и слезы или подвиг и честь? // Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса: сб. научн. статей. Нальчик, 2014. С. 173–180.
38. Хан-Гирей. Черкесские предания. Нальчик: Эльбрус, 1989. 286с.
39. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик: Эль-фа, 1992. 362с.
40. Хетагуров К.Л. Особа (этнографический очерк) // Полн. собр. соч. в 5 т. Владикавказ: Республ. изд.-полиграф. предприятие им. В.А. Гассиева, 2000. Т. IV. С. 313–374.
41. Чибиров Л. А. Древнейшие пласты духовной культуры осетин. Цхинвали, 1984. 217с.
42. Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. М.: РОСПЭН, 2008. 711с.
43. Чурсин Г.Ф. Очерки по этнологии Кавказа. Изд. стереотип. М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2015. 200 с.
44. Шортанов А.Т. Адыгские культы. Нальчик: Эльбрус, 1992. 165с.

© М.А. Текуева, Е.А. Нальчикова, М.Х. Гугова, (tekmad@rambler.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

